



**Константин Андреевич Перепечаев**  
**Глазами ветеринара.**  
**Невероятные приключения**  
**Семена Петровича**  
**в эпоху перемен**  
**Серия «Про зверей и людей»**

*текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=68010916](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68010916)*

*Глазами ветеринара. Невероятные приключения Семена Петровича в*

*эпоху перемен: АСТ; М; 2022*

*ISBN 978-5-17-151657-4*

### **Аннотация**

Семен Петрович лечит! Глаза, раны, «химатомы»... и даже души. Он сталкивается с пациентами, порой кардинально отличающимися друг от друга (некоторых вообще не видно), и рассказывает совершенно неожиданную, яркую историю. Никогда заранее не известно, что за сюжет поджидает на следующей странице: философская притча, забавный клинический случай, комедия, драма или же мистический триллер...

Каждый рассказ, как отдельная книга, отмеченная печатью личности и символизирующая дух времени – эпоху перемен.

Присмотревшись повнимательнее, вы больше не сможете оторвать глаз от этой книги!

Сюжетная линия произведения определена художественным вымыслом автора. Любые совпадения имен, фамилий и событий являются случайными.

*В книге присутствует нецензурная брань!*

# Содержание

Дед Мазай и курица	6
Пролог	18
Найти мотивацию	19
Часть 1. Тренерский совет	20
Часть 2. Честный договор	22
Часть 3. Казанский вокзал	26
Часть 4. Ночной попутчик	28
Часть 5. Всадник без головы	32
Досталось на орехи	37
Символ батальона	44
Гринпис	52
Магия черная и белая	60
Ну, погоди...	74
Часть 1. Профессор Акбаев	74
Часть 2. Начинаящий куровод	78
Конец ознакомительного фрагмента.	85

**Константин Перепечаев**  
**Глазами ветеринара.**  
**Невероятные приключения**  
**Семена Петровича**  
**в эпоху перемен**

© Перепечаев К.А., текст, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

\* \* \*

# Дед Мазай и курица

Зима. За окнами метель и сугробы, ветер подвывает... Судя по тому, как сразу поднимают воротники и кутаются в шарфы выходящие из ветеринарной клиники посетители, подмораживает прилично. Мой приемный день почти закончился, осталось буквально 30 минут. Холл клиники уже пуст, и вряд ли еще кто-нибудь придет. Ну и хорошо. День сегодня выдался непростой, я от души поработал, можно потихоньку собираться домой. С этими мыслями я уже начал закрывать ноутбук, и тут неожиданно хлопнула входная дверь. Кто-то громко обстукивал от снега обувь на коврик при входе в клинику, а затем мужской басовитый голос произнес: «Здравствуй, девица-красавица!» Голос явно принадлежал пожилому человеку, но звучал нараспев, сочно и красиво. Столь необычное и старомодное обращение, вероятно, было адресовано нашему администратору Светлане.

«И вам здравствуйте, дедушка! – явно подыграла посетителю Светлана. – Вы к кому пожаловали?»

– Я к вашему оХтальмологу. Глазюку, который зверушек лечит.

– Проходите дедушка, «оХтальмолог» в седьмом кабинете принимает.

«Что за дедушка? С кем он ко мне пожаловал под самый занавес приема? Я же не записывал никого...» – пронеслись

в моей голове мысли. В дверь моего кабинета постучали.

– Заходите, пожалуйста!

Дверь открылась.

– Здравствуйте, дохтур! Еле к вам добрался.

Да, такого колоритного посетителя у меня, наверное, никогда не было. Настоящий деревенский дед, прям по Некрасову: «В больших сапогах, в полушубке овчинном, в больших рукавицах...». На голове огромная меховая ушанка, а на ней целый сугроб снега. «Сейчас весь этот снег на пол потечет», – с грустью успел подумать я... Вдруг дедушка пробормотал:

– Вот я старый олух, снег с шапки забыл отряхнуть, – и пулей выскочил из кабинета.

Пока дедушка на улице тщательно отряхивал ушанку, я с осторожностью разглядывал ту поклажу, которую он аккуратно поставил на пол кабинета. Это была большая плетеная корзина, тщательно укутанная и перевязанная огромным пуховым платком. В корзине кто-то шевелился. Я осторожно дотронулся до корзины, и из нее донеслось сердитое кудахтанье... Курица?! Ошибки быть не могло – в корзине действительно сидела курица. Вот это сюрприз...

Дедушка вернулся в кабинет. Высокий, худощавый, с красным обветренным лицом и немного всклокоченной седой бородой. Лицо пересекало множество крупных и мелких морщинок, но немного выцветшие серовато-зеленые глаза смотрели на меня живо и весело.

– Как вас, дохтур, звать-величать?

– Семен Петрович. А вас, дедушка?

– Можно дед Мазай... – Увидев мое недоуменное лицо, дедушка серьезно уточнил: – Иван Иванович Мазай. Мы после войны с Белоруссии переехали, Мазай – это наша исконная родовая фамилия. Мы в Солотче проживаем. Оттуда к вам и добирался.

Я опешил:

– Так Солотча, это же километров 20 еще от Рязани... Это что же, вы оттуда ко мне ехали?

– Ну да. До Рязани на автобусе, потом на электричке до Казанского вокзала, потом на метро... Полшестого утра мы с Семеновной выехали, и вот к двум часам дня добрались, слава тебе господи. А как иначе-то...

Я не понял:

– А Семеновна-то ваша где? Вы ее что, на улице оставили?  
Дед Мазай заулыбался:

– Так вот она, в корзинке сидит. Семеновна – это курица моя. У меня их с десятков, но Семеновна – лучшая несушка и умная – страсть. Ты не смотри, что птица. Я как по утру на двор выйду: корову подоить, навоз раскидать или ишо какие дела поделать, так Семеновна ходит за мной, что твоя собака. Такая умная птица, просто диву даюсь...

– И что случилось с Семеновной, Иван Иваныч?

– Да петух клюнул ее в глаз, будь он неладен... Петух-то хороший... И курочек топчет, и поутру меня будит, и даже

собак пришлых отгоняет, но характер у него прескверный. Семеновна какую-то семечку из щели курятника выклевывала, а этот нехристь подлетел и как даст ей клювом... Я как раз в курятнике был, на моих глазах все и произошло. Семеновна прямо закричала... Как человек закричала, у меня аж сердце зашлось... Смотрю, у нее из глаза кровь течет... Она под насест забилась в темноту, а этот ходит, хвост расправил, кукарекает, довольный. Я прямо уж топор схватил, хотел этому гаду сразу голову срубить и в суп... Но потом решил, надо сначала Семеновну спасти.

– Понял. А как вы ко мне-то попали, дед Мазай?

– Да я внучку своему позвонил в Рязань, он у меня грамотный, в интернетах разбирается. Он в этом самом интернете информацию нашел и говорит мне: «Так мол и так... Есть такой дохтур-охтальмолог для животных, он-то тебе и нужен. Езжай, говорит, дед в Москву. Там тебе помогут...» Адрес мне сказал, ну, я прямо на следующее утро Семеновну в охапку, в смысле в корзинку, и к вам.

– Да уж, история. Ладно, доставайте Семеновну, будем смотреть.

Дед Мазай осторожно развязал платок и бережно достал из корзины большую пестро-коричневую курицу. Он сел на стул, посадил птицу себе на колени и начал что-то ей нашептывать, нежно поглаживая шею и крылья. Курица немного потопталась, настороженно и беспокойно поквохтала, потом потерлась головой о грубую мозолистую дедову ладонь, до-

верительно прижалась к нему и замерла.

– Не бойся Семеновна, не бойся, дохтур хороший, он тебе поможет... Он тебя подлечит, он все поправит, мы еще с тобой цыпляток повысиживаем... – услышал я хриплый шепот деда Мазая.

К горлу подкатился комок, в носу противно защипало, я сглотнул. Я совершенно не был готов к такой ситуации. Настоящее, глубокое, какое-то мистическое единение человека и курицы. Они попали в беду и обратились ко мне за помощью, уверенные, что я смогу помочь. Да, дед Мазай был абсолютно убежден, что «дохтур все поправит», но «дохтур» совсем не был в этом уверен.

– Ну, что, Семен Петрович, – пробормотал я, – бери себя в руки, и вперед.

Я надел налобный осветитель и взял в руки диагностическую линзу.

– Отец, поверните Семеновну мне другой стороной. Левый глаз здоровый, это понятно. Мне нужен правый, больной. Ага, разворачивайте птицу... Так... держите голову, только аккуратно... Чуть-чуть за клюв приподнимите... Да... дела, – вырвалось у меня.

– Что, дохтур, все плохо?

– Ну, не очень хорошо. Голова с правой стороны сильно повреждена, сильнейший отек, глаз закрыт. Перья кровью запачканы. Я пока ничего толком не вижу. Мне нужно все это отмыть и осторожно пропальпировать, в смысле пальца-

ми пощупать. Семеновна потерпит? Я постараюсь осторожно...

– Потерпит, дохтур, потерпит. Мы, деревенские, ко всему привычные...

– Отлично, поехали.

Я набрал в лоток теплой воды, надел перчатки, взял ватные тампоны и марлевые салфетки. Потом начал медленно и осторожно смывать кровь, очищать веки и убирать прилипшие кусочки перьев. Семеновна плотно закрыла здоровый глаз и прижалась к деду Мазаю. Она сидела абсолютно неподвижно, как каменная, только иногда вздрагивала от тех прикосновений, которые, вероятно, были более болезненны. Затем я медленно и аккуратно начал прощупывать пальцами травмированные участки, стараясь определить степень повреждения тканей и их границы.

– Так, Иван Иваныч, у меня для вас две новости. Первая хорошая – глазное яблоко, скорее всего, цело. Клюв ударил над бровью и в сам глаз не попал. Вторая... вторая... Короче, надо Семеновну оперировать, и прямо сейчас. У нее над глазом огромная опухоль. Это абсцесс с гноем и кровью, вероятно, часть мышц также разрушена. Надо все это вскрывать, иначе начнется сепсис, и птица погибнет. Не знаю, будет ли видеть глаз. Может быть, и нет... Но других вариантов я не вижу.

– Дохтур, скажите, а там у нее Х-И-М-А-Т-О-М-Ы, – дедушка старательно выговаривал каждую букву, – случаем,

нет?

Признаться, я был сильно удивлен, услышав такое необычное слово из уст деда Мазая, но виду не подал.

– Да, дедушка, и гематома там есть... А что, это вам что-то объясняет?

Дед Мазай облегченно выдохнул и, кажется, впервые за весь прием улыбнулся:

– Ну, слава богу! Значит, все будет хорошо. Я по молодости в соседнюю деревню на свиданку бегал... Так меня местные хлопцы однажды поймали и так отбуцкали, прости господи, что еле живым вернулся. Мне кто-то дрыном по харе, простите, дохтур, по лицу попал... У меня глаз закрылся, вокруг шишка огромная красно-синяя, я на этот глаз и ослеп сразу. А в местной больнице хирург, уважаемый такой человек, так и сказал: «Ваня, не бойсь, это просто ХИМАТОМА». Вскрыл ее скальпелем, так, вж-ж-ж-и-и-к, и все нормально. Глаз открылся, и я опять вижу. И уже лет 60, как вижу...

Дед Мазай опять улыбнулся:

– Делайте, дохтур, все, что нужно. ХИМАТОМА – это хорошо. Я теперь не волнуюсь.

Ладно, подумал я, позитивный настрой клиента – это уже неплохо. Теперь надо и мне не подкачать. Так, во-первых, мне нужен ассистент.

Я выглянул за дверь:

– Света! Поможешь мне с курицей? – позвал я админи-

стратора.

– Будем курицу оперировать? Конечно, помогу. Сейчас, только аптеку закрою.

Хорошо, ассистент у меня есть. Теперь вопрос номер два: как обезболить Семеновну? Под местной анестезией, наверное, не получится. Обколоть новокаином место поражения я не смогу, птице будет очень больно, да и перья мешают. Делать наркоз? Курице? Задача весьма нетривиальная. Может возникнуть множество проблем. Курица – это вам не собака, не кошка и даже не попугайчик. Анестезиологический риск никто не отменял. Ладно. Надо начинать, а там разберемся.

Я быстро достал и разложил на передвижном столике необходимые инструменты. Набрал в разные шприцы антибиотик, антисептический раствор и новокаин. Так... вскрываем стерильные салфетки... Еще на всякий случай иглодержатель... Теперь шовный материал, пластырь, глазные капли... Вроде все.

– Отец, – обратился к деду Мазаю, – у вас будет важная задача. Сидите ровно и держите Семеновну, только сильно не сжимайте ее. И... лучше не смотрите. Просто закройте глаза и подремите. Ну, как будто... подремите. Мне важно, чтобы вы не нервничали. Все-таки вы человек немолодой, уж простите меня за прямоту.

– Понял, дохтур. Не беспокойтесь. Мы с Семеновной вам полностью доверяем.

– Отлично. Так, Светлана, начинаем. Отрежь кусочек пла-

стыря, сантиметра четыре. Мы Семеновне на всякий случай клюв заклеим, чтобы не клюнула. Ага... давай его сюда. Так, держи голову, я заклею клюв. Нет, Света, не так... Ладно, делаем наоборот. Я держу голову, а ты аккуратно заклеиваешь клюв – только самый кончик, главное, ноздри не заклеи! Ага... хорошо... молодец.

– Семен Петрович, – зашептала мне на ухо Светлана, – а вы всегда так куриц оперируете?

– Света, – прошипел я вкрадчиво, – я первый раз в жизни курицу оперирую. Курицы гриль не в счет. Все, больше никаких вопросов.

Я уже вошел в «операционный транс». Ничего вокруг, кроме меня и Семеновны, не существовало. Мысли пробежали быстро: «Так, в любом случае мне нужно попытаться обезболить поврежденные ткани сверху. У меня есть хороший местный анестетик в каплях для внутриглазных операций. Он дает анестезию минут на 20. На коже у курицы есть раны и царапины. Анестетик туда попадет, и местная кожная чувствительность снизится. Тогда я, возможно, смогу обколоть поврежденный участок новокаином».

– Так, Света, бери флакончик с каплями... Да, этот желтый... Сначала обезболим глаз – капай прямо на закрытые веки. Давай, капай... Три капли прямо на веки. Я считаю капли: раз... два... три...

Тут Семеновна, вероятно, почувствовала падение на глаз тяжелых холодных капель препарата. Она вдруг резко повер-

нула голову, и капли легко и быстро стекли по боковой поверхности головы прямо на ноздри. Курица глубоко вдохнула и... всосала в нос все три капли препарата. Я замер. Три капли глазного хирургического анестетика в нос курицы... это много или мало? Это хорошо или плохо... и что будет дальше? Уверен, что такого эксперимента никто никогда не делал и если сейчас...

Тут Семеновна несколько раз глубоко вдохнула, как-то сонно забормотала и закудаhtала. Потом немного повозилась, а дыхание стало заметно более редким и глубоким. Затем мышцы ее шеи расслабились, и голова стала медленно клониться на бок.

– Да она же засыпает, прямо на ходу засыпает, – зашептала Света. – Просто обалдеть...

Но я не слушал Светлану, я уже действовал. Быстро выщипал перья по всему поврежденному участку. Продезинфицировал кожу, пропальпировал и нашел самое тонкое место и вскрыл полость абсцесса... «Ничего себе, сколько гноя... Петух, видимо, клюв не моет... Так и ходит с грязным клювом и разносит бактериальную инфекцию, как Комодский варан». В голове отвлеченно проносились дурацкие мысли, которые, впрочем, совершенно не мешали моей работе. Расширил разрез, очистил полость от гноя и крови, тщательно удалил остатки поврежденных тканей. Затем обильно промыл рану антисептиком и наложил на края разреза несколько швов, оставив промежуток посередине незащитым. Ввел

антибиотик в защитную полость. Осторожно приоткрыл курице веки. Да, глазное яблоко цело... Однако глаз закатился и закрыт мигательной перепонкой, поскольку Семеновна продолжала дрыхнуть... Курица-курицей, а анестетик занюхала, как заправский наркоман... Кому рассказать – не поверят... Ну и ладно. Главное, что операция прошла хорошо.

– Семен Петрович, – шепотом сказала Светлана, – дед Мазай спит вместе с курицей, посмотрите.

Я посмотрел на деда Мазая. Он действительно мирно дремал, сидя на стуле и склонив голову на бок, при этом продолжая бережно удерживать на руках спящую птицу. Вот это да, подумал я. Вот это и называется: родственные души... Даже заснули вместе.

– Иван Иванович, – потряс я дедушку за плечо, – просыпайтесь, операция закончена. Все хорошо!

Дед Мазай вздрогнул и открыл глаза. Курица у него на руках тут же встрепенулась, подняла голову и начала перетапываться. Потом повернулась ко мне правой стороной. Я увидел широко открытый, яркий и блестящий янтарно-коричневый глаз с черной бусинкой зрачка. Глаз внимательно следил за мной...

– Ох, сынок, ну я и взаправду вздремнул. Закрыв глаза, и прямо таки отключило меня. Ну что там, у Семеновны? А то я вблизи без очков и не вижу... Глаз-то цел? Все хорошо?

– Все хорошо, Иван Иванович. И Семеновна в порядке, и глаз цел. Думаю, что глаз будет нормально видеть.

– А что там было дохтур? Ничего страшного, просто ХИМАТОМА?

Я бросил взгляд на мусорное ведро, полное салфеток со сгустками гноя и фрагментами разрушенных тканей. Рядом на столике лежали грязные инструменты, пустые шприцы и остатки шовного материала.

– Да, дедушка, это была просто ХИМАТОМА.

# Пролог

Многие пациенты спрашивают меня: «Вы стали ветеринарным врачом, потому что животных любите?» Я всегда отвечаю: «И да, и нет» – и это абсолютно честно. Я действительно люблю животных, причем люблю всех. Хвостатых и зубастых, пернатых и копытных, домашних и диких. Люблю даже тех, кого видел только по телевизору, и вряд ли смогу встретить в своей практике. Но при выборе профессии врача мною двигала не любовь к братьям нашим меньшим, а стремление и желание помогать, лечить и спасать. Мне всегда казалось, что это самое нужное, самое сложное и самое благородное дело на земле. Я очень хотел стать «человеческим врачом»... Но тогда, в 90-е годы, это стоило безумных денег или требовало колоссальных связей. У меня не было ни того, ни другого... Оставался единственный выход – стать ветеринарным врачом, чтобы помогать, спасать и лечить животных. Поэтому любовь к животным и любовь к профессии врача – это не совсем одно и то же, хотя одно без другого...

В общем, что-то мы отвлеклись от темы... Как говорится, о чем это я...

# Найти мотивацию

Иногда, оглядываясь в прошлое, ты никак не можешь найти ответа на вопрос, почему когда-то давно ты поступил именно так, а не иначе. И если твой поступок потянул за собой цепочку событий, завершившихся печальным результатом, ты мучаешь и истязаеть себя, упрекая в неверном решении. Зачем я так сделал, почему я так поступил, ведь я же понимал, осознавал, не хотел... так почему же, почему, почему...

Но бывает и по-другому. Ты понимаешь, что выбранный тобою путь оказался не самым простым и гладким. Вполне возможно, что и другое направление было бы как минимум не хуже. Однако ты полностью уверен, что тогда в прошлом, принятое тобою решение было единственно возможным.

# Часть 1. Тренерский совет

Этот день оказался очень длинным и чрезвычайно богатым на события. Закончив тренировку, я вышел из раздевалки, закинув на плечо спортивную сумку.

– Семен, стой, – окликнул меня тренер, – я сегодня на машине, подкинуть тебя до метро?

Толкаться в жарком переполненном автобусе или хотя бы на 15 минут комфортно расслабиться в мягком автомобильном кресле, давая отдых болящим мышцам и ноющим связкам? В общем, меня не пришлось спрашивать дважды...

Новенькая темно-синяя «шестерка» (автомобиль «ВАЗ-2106») неторопливо несла нас по Большой Академической. Машину тренер купил совсем недавно, и чувствовалось, что это его первый автомобиль. На стоянке он закрывал авто брезентовым чехлом, сдувал с него каждую пылинку и ездил медленно и осторожно, аккуратно объезжая все лужи и выбоины.

– Слушай, Семен, а ты в каком институте учишься? – спросил тренер.

– В ветеринарной академии, второй курс...

– А чего тогда санитаром не работаешь, устроился бы в какую-нибудь клинику... Сначала, конечно, полы будешь мыть... Потом навыков поднаберешься, знакомства заведешь, будешь постепенно учиться, двигаться вперед и ста-

нешь ветеринарным врачом...

– Да как сказать, дядя Володя... – Я задумался. – У меня в принципе работа уже есть. Я профессионально занимаюсь дрессировкой, работаю в кинологической службе на авторынке. У меня хорошо получается, да и платят прилично (шел 1995 год, я зарабатывал в месяц около 1000 долларов, что по тем меркам было весьма неплохой зарплатой для молодого человека).

– погоди, Семен, – возразил тренер, – но ты же в институт поступал, чтобы профессию получить... Я, конечно, слышал, что ты неплохой инструктор, но, извини, чтобы с собаками бегать, высшее образование не нужно...

– Не знаю, дядя Володя... В институте нас практике не учат, а знакомых в ветеринарии у меня нет... А тут и деньги платят, и перспектива вроде есть. Может, и не нужна она мне, эта ветеринария...

– дам я тебе совет, Семен. Все же я постарше тебя, да и жизненный опыт у меня побольше... Деньги – это, конечно, хорошо, но специальность – это совсем другое. Если будешь врачом, в любое время в любом месте пригодишься. Врач, дорогой мой, это настоящая профессия. А собак дрессировать ты хоть до старости можешь, если нравится... Но ты парень взрослый, смотри сам... Ну, вот и метро!

Тренер включил поворотник и свернул к обочине:

– Давай, Семен. Удачи тебе. Маме привет передавай!

## Часть 2. Честный договор

В полупустом вечернем вагоне метро, сидя на скрипучем коричневом диване, я думал о том, что, собственно, именно к маме я и начинаю сейчас свой ночной вояж.

Тут тоже было все непросто... В год моего поступления в институт в Московской ветеринарной академии официально открыли платное отделение, и все москвичи, как самая платежеспособная часть студентов, независимо от уровня знаний и полученных оценок попадали именно туда. Я не был исключением. За мое обучение согласились заплатить, но поставили жесткое условие: в течение лета все выходные я должен работать на даче. Мама поставила мне данное условие, когда я сообщил, что недобрал 1 балл до проходного (по странному стечению обстоятельств из студентов платного отделения этот злосчастный 1 балл не набрал никто). У меня было два варианта: учиться на платном, отрабатывая трудовую повинность летом на даче, или идти в армию... Я почему-то выбрал первый вариант.

Я понимаю сейчас и уже понимал тогда, что человек в любом возрасте хочет устроить свою личную жизнь. И мое обучение оплачивала НЕ мама, и желание поиграть в «деревенку с крепостными» было тоже НЕ маминым, она лишь транслировала мне желания и хотения ее второго мужа, весьма и весьма небедного человека. Безусловно, сельскохозяйствен-

ные работы типа копания, пиления, таскания, окучивания, собирания, кошения и т. д. приучают к труду, закаляют характер, дисциплинируют и бла-бла-бла... Но ощущать себя рабочим, сданным в сезонную аренду, было, безусловно, не слишком приятно.

В общем, выбрав обучение в институте и дав обещание исполнять весенне-летнюю трудовую повинность, слово свое я держал. Причем чем взрослее и сильнее я становился, тем выше была эффективность моих сельскохозяйственных работ, что не могло не радовать моих «работодателей». Все было блестяще организовано. В пятницу, после института меня забирали на машине и отвозили на дачу, где я впахивал все выходные, а в воскресенье вечером меня доставляли в Москву.

Проблемы начались, когда я начал ходить на тренировки. Последняя тренировка заканчивалась в пятницу в восемь вечера. Мама уезжала на машине в пятницу днем, поэтому я должен был добираться до дачи своим ходом. Появилось новое условие: если я хочу ходить в пятницу на тренировку, значит, в субботу, на первой же утренней электричке должен прибыть на место назначения. Электричка в Рязань уходила с Казанского вокзала в 7:10. Чтобы успеть на нее, мне нужно было сесть на самый первый поезд метро, который прибывал на станцию «Щукинская» в 05:45. Для этого мне нужно было выйти из дома не позднее чем в 05:30, соответственно, я должен был проснуться и встать (а это, знаете ли, не одно и

тоже) в 5 утра...

Я очень старался, это правда... За уши вытягивал себя в 5 утра из постели, не завтракал, чтобы сэкономить время и успевал в 7:10 втиснуться в битком набитую рязанскую электричку, на которой мне предстояло ехать стоя три часа. Выжатый как лимон, я выпадал из поезда на станции перед городом Рыбное, чтобы совершить 4,5-километровый маршбросок и прибыть в 11:00 к месту выполнения сельскохозяйственных работ. Меня быстро кормили, вручали орудия труда и выпускали в поле...

Я держал этот темп в течение месяца, но потом все-таки проспал... Может быть, не зазвонил будильник, а может, я его не услышал, но факт остается фактом, на первую утреннюю электричку я опоздал. Вместо 11 утра я прибыл на дачу около двух часов дня, и... на меня, наверное, никогда в жизни так не орала...

Я узнал о себе все: что я ленивый, неблагодарный, безответственный, не ценю доброту и заботу, живу на халяву, подвожу мать и т. д. Еще я должен был всегда помнить, что если бы не ОН – добрый и щедрый, то я бы сейчас в армии унитазы зубной щеткой чистил... Но самое главное, что из-за моего позорного опоздания я не успею выполнить запланированный на эти выходные фронт работ...

Сидя за рычагами трактора и в течение двух часов окучивая наше «крохотное» картофельное поле, я с грустью понимал, что мои пятничные тренировки закончились.

И вдруг, о чудо, мне позволили увидеть луч надежды. Оказывается, есть еще ночная рязанская электричка. Она уходит с Казанского вокзала в 21:56, и идет до г. Рыбное почти без остановок. Я высажусь на станции в 01:00 и, быстро преодолев 4,5 км по ночному лесу, в два часа ночи уже буду на даче. Таким образом, в 10 утра, выспавшийся и свежий как огурчик, я смогу приступить к своим обязанностям.

Я буду спокойно успевать на электричку после вечерней тренировки, и все будут довольны, и сельское хозяйство не придет в упадок... Мне милостиво дают последний шанс, но если хоть раз не приеду, то... Короче, я понял, что, если ночную электричку вдруг отменяют, мне придется идти до дачи пешком по шпалам...

Именно с такими «веселыми мыслями» я ехал на метро в тот вечер после тренировки. И еще почему-то в голове постоянно крутилась фраза тренера: «Врач, дорогой мой, это настоящая профессия».

## Часть 3. Казанский вокзал

Я прибыл на Казанский вокзал в девять вечера, взял билет, и до электрички оставался еще целый час. Вы представляете Казанский вокзал в девять вечера в середине девяностых? Нет? А я вам скажу так: в середине девяностых в девять вечера на Казанском вокзале было ВСЕ, но ничего из этого мне не было нужно... В течение первых же тридцати минут, которые я провел в зале ожидания, «коммерческие агенты середины девяностых» успели мне предложить: золотые часы «РолЫкс», золотую цепь и печатку<sup>1</sup>, наркотики, другие наркотики, девАчку, малЧЫка, газовый пистолет (савсЭм как настояШШЫЙ) и, наконец, настояШШЫЙ нЭпаленый ствол. После того как я отказался от всех этих соблазнов, ко мне подошел милицейский патруль.

– Ты мент? – решил сразу взять быка за рога толстый милиционер в засаленном расстегнутом бронежилете, дыхнув на меня запахом жареных семечек.

Я отрицательно покачал головой.

– Паспорт давай.

Я протянул паспорт.

Милиционер небрежно полистал странички...

– Ты москвич?

– Да.

---

<sup>1</sup> Печатка – большой перстень (здесь и далее примечания автора).

– Студент?

– Да.

Милиционер внимательно смотрел на меня, постукивая паспортом по ладони.

– Тогда скажи мне, москвич и студент, если тебе не нужны ни бабы, ни ствол, ни наркотики, что ты делаешь здесь, в этой ж...пе в девять часов вечера?

– Я жду ночную электричку на Рязань...

Милиционер понимающе хмыкнул:

– К подруге, что ли, в Рязань едешь на выходные?

– Нет. На дачу...

Глаза милиционера округлились:

– Ты, парень, наверное, больной...

Он вернул мне паспорт, еще раз покачал головой и ушел.

«Внимание, пассажиры! Электропоезд до станции Рязань прибывает на восьмой путь... Повторяю...» – хрипло проговорил динамик, и я торопливо пошел на перрон.

## Часть 4. Ночной попутчик

Ночная рязанская электричка никогда не пользовалась у пассажиров особой популярностью. Я здорово удивился, увидев на перроне большую группу ребят моего возраста. Их было человек пятьдесят. Молодые парни, очень просто (если не сказать бедно) одетые, с рюкзаками и спортивными сумками, молчаливо и устало проходили в вагон. Они как-то неаккуратно и безразлично бросали свои вещи на пол, тяжело опускались на скамейки и почти сразу засыпали. Электричка еще только отходила от вокзала, натужно гудя и медленно набирая скорость, а весь вагон уже спал. Спящих ребят раскачивало и подбрасывало на стыках, при торможении часть из них съехали со скамеек на пол, кто-то навалился на соседа, но ни один не проснулся. Ребята спали тяжело: кто-то стонал и всхлипывал, кто-то даже бормотал, ругался и размахивал руками. С бледных и усталых юношеских лиц даже во сне не сходила тревога и напряжение. Эта тягостная, гнетущая, сонная атмосфера подействовала и на меня, и я тоже провалился в темноту.

Я проснулся, когда мы переезжали Оку. Электричка неслась через мост, в грязных окнах мелькали железные опоры, река внизу извивалась широкой черной лентой. В тусклом свете звезд видневшиеся вдали контуры цементного завода казались развалинами зловещего темного замка.

В вагоне было душно, в спертom воздухе висел неприятный запах пота, сигарет и кислый запах невымытых тел. Я взял сумку и вышел в тамбур. Одно из окон в тамбуре было разбито, и через ржавую зеленую решетку внутрь врывается свежий ночной воздух. У окна стоял невысокий крепкий парень в темно-синем, поношенном спортивном костюме, задумчиво смотрел на проносящиеся мимо поля с узкими полосами лесопосадок и курил. Он повернулся ко мне:

– Ты сам откуда? – начал он, но, увидев мою светлую рубашку и летние брюки, осекся... – Я думал, ты из наших, из призыва...

– Нет, я просто пассажир... на дачу еду.

– Везуха тебе... – парень завистливо вздохнул, – я сам изпод Архангельска... Мы, все, кто в вагоне, с северов, кто-то с Карелии... Уже пять дней едем. Должны были на поезде, обещали покормить... Но, офицер наш... сука, сказал, что, мол, больно жирно вам на поезде, на электричке доедете. Кстати, меня Николаем зовут.

– А я – Семен! Будем знакомы!

Мы пожали руки.

Я вспомнил, что днем купил батончик «Сникерс», который хотел съесть после тренировки, но забыл про него... Порывшись в сумке, я достал немного подтаявшую шоколадку и протянул Николаю.

– Будешь? Это, конечно, не еда, но...

Николай впился в «Сникерс» голодным взглядом и сглот-

нул слюну.

– Сема, давай пополам, а?

– Да, ладно, ешь, я еще наемся...

Парень схватил батончик и, разорвав упаковку, жадно вцепился в него зубами. Батончик исчез за секунду.

– Господи, хорошо то как... – сказал Николай, вытирая рукавом испачканные шоколадом губы. – Сутки уже без еды, в животе урчит, как в тракторе... Ну, теперь живем...

– Ты работаешь, учишься? – спросил он меня.

– Учусь, на втором курсе... на ветеринара.

– Вот ты молодец, – воскликнул Николай. – Просто молодец! Будешь животных лечить и людям помогать... Доктором будешь... Уважаю таких. – И он дружески хлопнул меня по плечу.

– А вы куда едете? – спросил я.

– Точно не знаю... – Николай помрачнел. – Вроде сначала в «учебку» под Рязанью, а там уж куда определяют. Но ходят слухи, что потом в Чечню...

Электричка дала гудок и, покачиваясь, начала снижать скорость перед моей остановкой.

– Ладно, Колян, выше нос, все будет нормально... – Я попытался произнести это бодрым голосом, но получилось фальшиво...

– Ну, а что уж теперь... теперь как бог даст... Удачи, Сема! Учись хорошо!

Двери со скрипом разошлись в стороны, и я спрыгнул на

насыпь...

## Часть 5. Всадник без головы

На станции, скрипя и раскачиваясь под ветром, горел единственный фонарь. Вокруг него густым звенящим облаком вилась мошкара. В станционных домишках не горело ни единого огонька. Я поправил сумку на плече и зашагал в ночь.

У меня было два маршрута. Короткий – по дороге вдоль лесополосы, потом через кладбище и затем через лес. Всего около 4,5 км, это где-то минут сорок быстрым шагом. Длинный маршрут пролегал по проселочной дороге через поля, шел вокруг деревень и составлял километров шесть.

Перспектива идти по ночному лесу меня особо не пугала. В окрестных лесах не было хищников, да и разбойники в кустах не прятались. Я перевел взгляд туда, где заканчивалась лесополоса, и почувствовал, что моя решимость быстро тает. Там, на пригорке, залитое бледным лунным светом, виделось заброшенное деревенское кладбище. Идти глубокой ночью мимо разрушенных оград с облупившейся краской и осыпавшихся могил, с покосившимися от времени крестами, мне совершенно не хотелось. Быстро убедив себя, что я просто не хочу вымокнуть в густой и мокрой от росы некошенной кладбищенской траве, я выбрал маршрут через поля.

Я шел быстро, время от времени глядя рукой тяжелые, мокрые пшеничные колосья, склонившиеся на дорогу. Где-

то в лесу кричали совы, летучая мышь заложила крутой вираж у меня над головой, издала тонкий писк и пропала. Ночной воздух приятно охлаждал, ритмичная ходьба успокаивала. В голове беспокойно роились мысли: «Третий человек за сегодняшний вечер говорит мне о профессии врача. Совпадение? Может, я так строю разговор, что сам навожу на эту тему? Я выбирал между армией и учебой и выбрал учебу... а учусь ли я на самом деле? А у парня в вагоне не было такого выбора... его просто отправили в Чечню... А если бы меня туда отправили? Мент в метро сказал, что я больной... А может, действительно только больной будет толкаться вечером на вокзале, заполненном ворами, бомжами и проститутками, для того, чтобы поехать... на дачу...»

Мысли подгоняли меня, и я пошел быстрее. Рубашка на спине начала промокать от пота, лоб покрылся легкой испариной. «Семен, а может, ты действительно что-то делаешь не так? – задавал я себе неприятный вопрос. – Зачем ты учишься на врача, если не собираешься работать врачом... или собираешься?»

Дорога постепенно поднималась в гору, чтобы на самой ее вершине круто повернуть влево, в сторону деревни. На повороте лес подходил к дороге вплотную, и две огромные старые березы, склонившись навстречу друг другу, почти соприкасались верхушками, образуя что-то вроде диковинной древесной арки. Там по середине дороги, в тени берез что-то стояло... Сначала я решил, что мне показалось и это просто

ть от корявого древесного ствола, но луна ушла за тучи и теней не было. Большой темный объект не двигался, не издавал никаких звуков. Во рту стало неприятно сухо, ладони вспотели, я остановился. Для лося объект слишком маленький, да и чего лосю там стоять неподвижно? Ушел в лес, и нет его. Кабан? Не бывает таких высоких кабанов. Человек? Очередной местный алкаш напился и пошел странствовать в ночи? Ага... в трех километрах от ближайшей деревни... Да, объект был, наверное, высотой с человека, но крупнее и почти квадратный... Я медленно шел вперед, не спуская глаз с темного силуэта... ближе... еще ближе. Объект стоял абсолютно неподвижно, и у него было... две ноги. Слава богу, значит все-таки это человек стоял в тени двух берез. Какой-то здоровый мужик... и у него... нет головы... Я застыл как вкопанный. Сердце бешено стучало, я часто дышал, но воздуха не хватало. Теперь я абсолютно четко видел огромную, почти квадратную, человеческую фигуру. Две огромные ноги, широченная спина... но... ГОЛОВЫ НЕТ!!! Плечи соединялись друг с другом, и там, где должны были быть шея и голова, просто ничего не было. Мокрой от пота рукой я пошарил в сумке. Нашупал на самом дне большой складной нож, достал его и с трудом раскрыл дрожащими пальцами.

Дикие мысли проносились в голове, одна за другой: «Против чудищ и демонов нож бесполезен... А ты, Семен, ни одной молитвы не знаешь... Это все, Семен...»

Я до сих пор не понимаю, почему не повернул назад. Меня никто не видел, и я бы мог незаметно уйти. Возможно, я до последнего не хотел признать в себе труса. Может быть, это был гипнотический эффект удава, притягивающего взглядом обреченного на съедение кролика. Хотя, скорее всего, я чувствовал, что бегство не имело смысла. Чудище, встреченное мною на ночной дороге, теперь будет преследовать меня всю жизнь. Оно будет являться мне в ночных кошмарах или наяву, но я не смогу от него избавиться.

Я зажал нож в вытянутой вперед дрожащей правой руке, а левую руку с сумкой приподнял, закрываясь ею как щитом (прямо Персей, твою мать... мелькнуло в голове) и на негнущихся ногах медленно пошел вперед. Осталось 10 шагов, 9... 8... 5... Теперь я четко видел огромную черную спину, две толстые ноги, мощные плечи... головы и шеи нет... значит, это ОНО... 4 шага... 3... Я сместился к краю дороги... чудище стояло спиной ко мне... Если оно не повернется, пройду мимо и уйду... но если оно дернется, я ударю ножом, сумкой, буду орать и бить... бить... бить... Если останусь жив, я стану врачом – мелькнула последняя мысль... 2 шага...

Из-за тучи вышла огромная луна, внезапно и удивительно ярко осветив все вокруг. Я посмотрел на «чудище»... его спина была КОРИЧНЕВОЙ... потому, что это была КОЖАНАЯ КУРТКА. От неожиданного облегчения меня вдруг затошнило, я убрал нож за спину, зажал рот рукой и быстрым

шагом прошел вперед. Пройдя метров двадцать, я обернулся: парень с девушкой, прижавшись, друг к другу, накрылись с головой кожаной курткой. Влюбленные, застывшие в страстном объятии... под луной... на полной романтики ночной дороге.

Я медленно шел и медленно думал: а если бы парень обернулся, услышав мои шаги, чтобы он сделал, увидев направленный на него нож?? А если бы он бросился на меня, чтобы сделал я? Сказал: «Простите ребята, я думал, это всадник без головы...». Ага, а он бы ответил: «Ничего, все нормально, на нас все с ножом бросаются, мы уже привыкли...» И медленно, постепенно, приходило неотвратимое понимание того, сколько раз сегодня я мог бы попасть в неприятную, НЕТ, идиотскую историю из-за этой ночной поездки, из-за этой дурацкой дачи, из-за этой моей дурацкой жизни.

Добравшись до дома в половине третьего ночи, я вяло поковырял вилкой оставленный мне на столе холодный ужин и, не раздеваясь, улегся на кровать. Решение было принято: это мой последний «дачный» сезон. Я бросаю работу на авторынке и с сентября устраиваюсь в ветеринарную клинику. Кем угодно, хоть сторожем, хоть санитаром. Настало время перемен...

## Досталось на орехи

Середина девяностых, лето, жарко. Я, студент третьего курса, работаю дворником в круглосуточной ветеринарной клинике. В то время устроиться в ветеринарную клинику было ой как непросто... Клиник было мало, а клиентов было много. Должность ветеринарного врача считалась весьма «хлебным местом», и получить работу даже ассистента или санитаря можно было лишь по знакомству или большому благу. Моего «блата» хватило лишь на место дворника, но в свободное от работы время мне было официально разрешено помогать санитарю. В основном я до посинения драил полы, выносил мусор и мыл грязные инструменты, зато имел возможность наблюдать за выполнением лечебных процедур и проведением операций.

Территория вокруг клиники была огромной. Зимой ее изрядно засыпало снегом, а весной, летом и осенью огромные старые тополя щедро забрасывали асфальт липкими почками, пухом и опавшими листьями. Так, что про мозоли от метлы, совковой лопаты и лома я знал не понаслышке... Но я очень старался все успевать и все свободное время торчал в кабинете врача. Не скажу, что работа дворником меня воодушевляла, но за мои трудовые старания меня «прикрепили» к лучшему врачу клиники – доктору с необычной немецкой фамилией Шпигель. Шпигель вместе со своим са-

нитаром делали самые сложные операции, у них было больше всех клиентов, и для меня их кабинет стал настоящим храмом ветеринарной науки. То, что мне преподавали в институте, не шло ни в какое сравнение с тем, что я видел в реальной практике.

В тот день произошло сразу два знаковых события. Первое, санитар Шпигеля, Митя, уехал в институт сдавать сессию, и я остался заменять его как полноценный ассистент врача. Второе, на прием к Шпигелю пришел сам директор клиники, которого я раньше вблизи никогда не видел. В общем, я был рад, горд и напуган.

Директор заглянул в дверь:

– Григорий, у тебя посетителей нет?

– Нет никого, Сергей Викторович, заходите.

Директор широким шагом зашел в кабинет, увидел меня и улыбнулся:

– Григорий, я смотрю, у тебя новый санитар? А Митя где?

– Митя в институт уехал на экзамен. Семен его временно заменяет. Что случилось?

– Григорий, ты знаешь, нашу клинику серьезные люди крышуют, впрочем, – директор грустно вздохнул, – сейчас всех крышуют... Короче, сегодня приедет серьезный человек «от своих», там что-то с котом. Сделай все как надо, но денег не бери. Я буду у себя, если что нужно – зови. Григорий Павлович, – директор перешел на «вы», – очень прошу, не подведите меня.

– Не переживайте, Сергей Викторович, все сделаем.

Прошло часа два. Вдруг послышалось рычание мощного мотора, и через окно я увидел, как к клинике подъехало огромное, черное, блестящее авто. Хлопнула дверь автомобиля, в коридоре послышались тяжелые шаги, затем открылась дверь, и в кабинет вошел стриженный «под ноль» двухметровый мужик типичной внешности и формы одежды.

– Кто здесь доктор Шпиндель? Ты, что ли? – обратился он к Шпигелю, сидевшему за столом.

Григорий Павлович, не вставая, повернул голову и тихо, но твердо и спокойно сказал: «Молодой человек, если вы ко мне, пожалуйста, подождите в коридоре, ассистент вас пригласит. И еще, меня зовут Григорий Павлович, я лечащий врач. Будьте добры, обращаться ко мне на «вы».

Лицо посетителя застыло от изумления. Такой реакции он явно не ожидал...

– Оп-па... Вот это заява... Ты ваще хоть знаешь, от кого я?

– Знаю. Меня предупредили. Берите кота из машины и подождите, пожалуйста, в коридоре. Мы вас пригласим.

Повисла напряженная тишина. Мужик озадаченно разглядывал врача, потирая костяшки огромных кулаков. Потом хмыкнул и вышел из кабинета, громко хлопнув дверью.

Шпигель выждал минуту, нервно барабанил по столу пальцами. Потом встал, поправил халат и глубоко вздохнул.

– Ну, что, Семен... Успокойтесь и начинаем работать.

Приглашай клиента.

Я открыл дверь:

– Заходите, пожалуйста.

Мужчина снова зашел в кабинет и поставил на стол переноску с огромным рыжим котом. Кот возбужденно втягивал воздух широким розовым носом и с удивлением таращился на нас большими зелеными глазами.

Мужчина протянул Шпигелю руку:

– Доктор, прошу прощения, был неправ. Я как-то привык по-пацански, так сказать. Без обид. Меня Василием зовут.

– Здравствуйте, Василий. Что с котом?

– Короче, доктор, кота этого мы серьезному человеку подарили, так сказать, подарок от «коллектива». У кота кликуха, то есть кличка солидная – Бандитом назвали. Ну а он, зараза, как подросток, стал вести себя неправильно...

– Подождите, Василий, неправильно, это как?

– Да как это, по-вашему, сказать то... Короче, сношает все, что видит. То подушку, то тапочки, то покрывало. Теперь еще стал дуть по углам, а сегодня хозяину в ботинки нас...л. В квартире воняет, как в помойке, да и перед людьми неудобно. Короче, доктор, надо решить вопрос конкретно. Чикнуть ему орехи, чтобы вел себя нормально...

– То есть вы говорите про кастрацию? Хотите кастрировать кота?

– Не знаю, доктор, как это у вас называется... Мне грамотные люди сказали, что нужно ему орехи чикнуть, чтобы он

перестал вонять и чтобы он перестал это самое... с подушками и тапочками делать... В общем, чикните орехи ему, и все. Короче, вот кот, заберу его вечером. Только доктор, сделайте, чтобы все путем было. И еще, чуть не забыл, орехи чикните, но чтоб яйца у него остались... Все, я уехал.

Хлопнула дверь авто, и черный лимузин медленно выплыл с территории клиники.

Григорий Павлович вытер пот со лба:

– Семен, будь добр, сходи, пригласи директора.

Директор вошел быстрым шагом:

– Григорий Павлович, что случилось, есть проблемы? С котом?

– Есть, Сергей Викторович. Не с котом, а с владельцем, вернее, с его требованиями. Во-первых, кот уже взрослый, поэтому его половые рефлексy и тип поведения уже хорошо и прочно сформировались. Даже если мы его кастрируем, его «упражнения» с подушками и одеялом никуда не денутся. Да, писать по углам он больше не будет, и запах неприятный уйдет, но половое поведение в определенной степени останется.

Во-вторых, что значит «орехи чикнуть, но, чтобы яйца остались», этого я не знаю, как понимать.

Директор задумчиво почесал подбородок:

– Давай, Григорий Павлович, кастрируй кота, а с яйцами и орехами я сам разберусь.

Директор ушел.

– Семен, – обратился ко мне Шпигель, – какие инструменты нужны, знаешь?

– Знаю, Григорий Павлович.

– Тогда начинаем. Готовь операционную.

Операция по кастрации прошла быстро, четко и без осложнений. Рыжий кот по кличке Бандит через два часа уже полностью пришел в себя и возмущенно пытался открыть лапой дверь переноски. Приехавшему вечером Василию кота Сергей Викторович отдавал лично. После того как рыжий котофей уехал на своем черном шикарном авто, директор зашел к нам в кабинет и устало опустил на стул.

– Что ты сказал Василию, Сергей Викторович? – спросил директора Шпигель.

– Сказал, что орехи чикнули, но яйца оставили. Поэтому, если кот и будет, иногда что-то с подушками непотребное делать, так это как раз от его мужской природы, от яиц то есть. А запах неприятный уйдет полностью, и метить кот перестанет.

– Ну, вы и сказочник, Сергей Викторович! – улыбнулся Шпигель. – Надо же придумать такое. Но звучит логично...

– И не говори... – Директор лишь махнул рукой.

Прошло недели три.

В очередной раз завершив уборку клиники, я устало присел на скамейку около входа. Вдалеке послышался рокот мотора. Звук быстро приближался. Его мощь нарастала, превращаясь в глухой рев, и наконец огромным сияющим чер-

ным сгустком на территорию влетел шестисотый «Мерседес». Машина с визгом затормозила около клиники, подняв облако пыли. Из авто вышел улыбающийся Василий, обнимая два огромных пакета из «Макдоналдса», доверху набитых едой.

– Держи, парень, и своим передай. Это от души. Перекусите, как говорится, чем бог послал. От хозяина уважение. Красавчики. Все путем сделали.

Василий сел в машину и опустил стекло. Мотор заурчал.

– Главное, что у кота яйца целы... не обманули... За это – отдельная благодарность.

## Символ батальона

Сотрудники ДПС были радостно возбуждены: «Представляете, она сама к нам пришла! Мы по дороге едем, метель метет, ветер, а она – посередине дороги сидит, рыжая... Уши торчком, глазки черные блестят, хвостом машет и на нас смотрит. Мы люстру на крыше включили, сирену включили и кричим в мегафон: «Товарищ лиса, освободите дорогу!» Она – ноль внимания. Ну, мы с сержантом из машины вышли, посадили ее в коробку и к вам привезли. На всякий случай, на карантин. Мы порядка знаем, но она нормальная лиса, точно небешеная, верно, сержант?» Сержант уверенно кивнул: «Так точно, товарищ капитан! Да она ласковая, все руки мне облизала. Как только карантин отсидит, мы ее к себе заберем. Будет символом второго батальона. Я уже с завгаром договорился, он клетку большую соорудит, ошейник с поводком купит. Назовем Алисой. Лиса Алиса, как из «Золотого ключика». Капитан засмеялся: «Тогда того черного котяру, который у бухгалтерии трется, придется Базилио называть...»

Разговор проходил в кабинете начальника Санитарного отдела станции по борьбе с болезнями животных. Два сотрудника ДПС в заснеженных шапках держали в руках картонную коробку с широкими прорезями, через которые периодически высовывался чей-то маленький черный нос. Они

подобрали на дороге лису и серьезно собирались забрать ее к себе в батальон после прохождения обязательного десятидневного карантина по бешенству. До Нового года оставалось буквально несколько дней. Пушистыми хлопьями падал снег, огромный белый милицейский «Форд Таурус», стоял за окном с включенными маячками, переливаясь красно-синими огнями, как диковинная новогодняя елка. Настроение у сотрудников ДПС было прекрасное.

В отличие от них начальник санитарного отдела доктор Крайновский, крупный лысоватый сорокалетний мужчина, был мрачен. Его широкое, обычно доброе лицо было напряжено, и он внимательно и очень серьезно смотрел на коробку. Я стоял рядом с Крайновским и не понимал, почему доктор так серьезен. В принципе мне было все равно. Мне не терпелось увидеть настоящую живую лису.

– Так, товарищи милиционеры, коробка прочная?

– Да нормальная, обычная коробка, а что?

– Так, вот вам скотч, ставьте коробку на пол и прочно со всех обмотайте ее скотчем.

– Зачем это?

– Просто делайте, как я говорю, – в голосе Крайновского зазвучали металлические нотки. – Здесь я начальник, и вы мне подчиняетесь, делайте. Так, аккуратнее... прочнее мотайте... отлично. Теперь скотч выбрасывайте в тот пакет для мусора.

– Да там целый моток, скотч же новый совсем!

– Выбрасывайте... Молодцы.

Теперь, когда картонная коробка с лисой стояла на полу, со всех сторон надежно перемотанная скотчем, Красовский немного успокоился, и его лицо смягчилось.

– Так, доблестная милиция, лису голыми руками трогали?

– Нет, только через перчатки... Она нам все краги облизала, – от веселого настроения сотрудников ДПС не осталось и следа.

– Хорошо.

– Так, Семен, – обратился ко мне Крайновский, – надевай резиновые перчатки. Теперь бери вон тот желтый пакет... ага... который с черной надписью, и неси его сюда... теперь открывай. А вы, товарищи милиционеры, осторожно снимайте свои краги и бросайте их в пакет.

Сотрудники ДПС, увидев огромный ярко-желтый пакет с надписью Biohazard (биологическая опасность), заметно побледнели.

– Так, хлопчики, давайте живее, – голос Крайновского был почти ласковым, – кидайте в пакет свои краги. Нет... стоп!!! Снимайте их, не трогая голыми руками. Да господи... просто стрясите их с рук прямо в пакет... осторожнее... Отлично. Так, Семен, плотно завяжи пакет и положи его на пол рядом с коробкой. Теперь вы, товарищи милиционеры. Снимайте куртки... вон там раковина – мойте руки с мылом. Мойте до локтей. Теперь кисти, пальцы, ногти – работайте, пожалуйста, очень тщательно. Потом протрите ру-

ки спиртом – вон из того флакона. Царапины на руках есть?

– Вроде нет. – Голос капитана заметно дрогнул.

– Хорошо. Теперь подходите ко мне и садитесь. Давайте я точно и подробно запишу, где и при каких обстоятельствах вы подобрали эту бешеную лису.

– Вы сказали БЕШЕНУЮ ЛИСУ?! – Лица сотрудников ДПС приобрели сероватый цвет. – Вы хотите сказать, что это...

– Да, это обычная бешеная лиса, – оптимистично подтвердил Крайновский, – с вероятностью 99 %. Обычное поведение бешеных диких животных. Вирус бешенства управляет ими, ему нужно найти новых хозяев, ему нужно распространяться. Поэтому бешеная лиса специально вышла на дорогу. Можете считать это умышленной попыткой покушения на жизнь сотрудников правоохранительных органов. Шучу. – Крайновский впервые улыбнулся.

– Какой-то гребаный Стивен Кинг. – Капитан нервно сглотнул.

– Да ладно, успокойтесь. Лиса вас не кусала? Голые руки, лицо и не облизывала? С другими людьми контактов не было? Грязными крагами лицо себе не трогали?

– Да нет же, нет!!! – Сержант почти закричал. – Сразу к вам поехали с этой, – он грязно выругался, – ... лисой!

– Сержант, отставить! – Капитан уже взял себя под контроль. – Сказали тебе, все нормально.

– Так, – Крайновский открыл журнал с многозначитель-

ным названием «Карантин по бешенству», – давайте я запишу ваши данные. Лису посадим на карантин. Потом ее труп сдадим в лабораторию.

– Почему труп, она что, умрет?

– С очень большой вероятностью. Обычно в течение 3–7 дней с момента поступления проявляются явные признаки бешенства и животное погибает. Труп поступает в лабораторию, и инфекцию подтверждают с помощью специальных исследований. Мы с вами свяжемся в любом случае. Безусловно, если лиса окажется здоровой, после прохождения карантина мы вакцинируем ее от бешенства, оформим ветеринарный паспорт и отдадим вам обратно. Но это **ОЧЕНЬ** маловероятно. Так, вот вам еще справка о контакте с диким животным, подозрительным по бешенству. Загляните в любой травмпункт, пусть врач еще раз осмотрит ваши руки на предмет повреждений. Еще вопросы?

– Вопросов нет. Какие тут вопросы... Надо же, как мы подставились, блин...

– Семен, – обратился ко мне Крайновский, – Женю-санитара позови. Пусть лису примет на карантин. Скажи, чтобы сразу надел фартук, перчатки брезентовые и аркан взял на всякий случай...

– Товарищи милиционеры, вот здесь в журнале распишитесь. Хорошо. Теперь вы свободны. – Крайновский улыбнулся. – Но ваши перчатки пока останутся у меня, как говорится, до выяснения обстоятельств. Удачи.

Когда дэпээсники направились к двери, у сержанта записала рация.

– Товарищ капитан! Завгар спрашивает, какого цвета ошейник покупать, синий или зеленый?

– погоди, щас в машину сядем, я ему... сам скажу...

Через четыре дня к нам в кабинет заглянул Женя из санитарного отдела. Невысокий, коренастый парень лет двадцати трех, с широченными плечами, короткой стрижкой и угрюмым взглядом чуть прищуренных серых глаз. Он был санитаром уже года три. Работал на карантине с подозрительными по бешенству животными. Отлавливал агрессивных собак и сдавал трупы в лабораторию. Умел кидать шприцы так, чтобы они втыкались иглой. Женька на спор разбивал об голову бутылку, мог выпить, не поморщившись, стакан чистого спирта и, кажется, ничего в этой жизни не боялся.

– Сема, пойдём к нам в санитарный. Покажу тебе лису, которую ты на карантин принимал.

Мы прошли по длинному коридору с кафельными стенами и полом и остановились около металлической двери с надписью «Карантин. Бешенство. Посторонним вход воспрещен».

– Так мне же туда нельзя.

– Крайновский разрешил. Ты же студент, бешенство проходишь. Увидишь, как оно на самом деле выглядит. Надень вон фартук и очки на всякий случай. Поглядишь издали.

Лязгнул замок. Мы вошли в большую, ярко освещенную

комнату с мощными металлическими клетками вдоль стен. Я уже знал, что большие клетки внизу предназначались для собак, а небольшие вверху – для кошек. В карантине сидело только одно животное – та самая лиса. В центральной клетке сверху, прямо напротив входа, находилось какое-то серовато-рыжее существо с мокрой всклокоченной шерстью. Оно забилося в дальний угол клетки, в самый темный угол. На полу валялись перевернутые миски для воды и корма. Более тонкая, алюминиевая миска была насквозь прокушена в нескольких местах. На ее стенках темнели капли крови.

– Три дня нормально себя вела... Я уж подумал, что, правда, здоровую лису дэпээсники притащили. Вчера вечером ей воды налил и корм насыпал, а, видно, ночью ее накрыло...  
Смотри.

Женя недобро прищурился и осторожно стукнул металлической ручкой аркана о стенку клетки. Забившееся в угол существо мгновенно развернулось, и я увидел оскаленную морду дикого зверя. Глаза были мутными, глубоко запавшими. Лисица с трудом стояла на широко расставленных, будто негнущихся лапах. Она была вся в слюне – слюна сбилась в пену на морде, засохла ошметками на шее, вокруг глаз, на лапах и даже на хвосте. Лиса издала странный хрипяще-рычащий звук и вдруг, с дикой силой и злобой вцепившись в металлические прутья клетки, начала их яростно терзать... П слышался жуткий хруст, на пол полетели куски зубов, брызги слюны и кровь...

– Я думаю, тебе достаточно, – сказал Женя, – пойдём отсюда.

Мы поспешно вышли, и Женька с грохотом захлопнул тяжёлую металлическую дверь. На секунду воцарилась тишина, а потом до нас донесся приглушённый вой, перешедший в хрипы и кашель...

Я быстро пошел к выходу из отдела. Ноги были ватными, во рту пересохло, а между лопатками бежала противная струйка холодного пота. Наверное, нужно было сказать какую-то чушь, типа: «Большое спасибо, было познавательно и интересно», но я чувствовал такое угнетение и подавленность, что просто молчал.

На улице Женя неожиданно обернулся ко мне: «Как будто на саму смерть посмотрели... К некоторым вещам я до сих пор не могу привыкнуть. Бешенство это... страшное, до жути».

– Ага, – только и смог ответить я.

Труп лисы сдали на исследование в Горветлабораторию в отдел Особо опасных инфекций. В срезах головного мозга методом иммунофлюоресценции были выявлены тельца Бабеша-Негри, представляющие собой массивные скопления частиц вируса бешенства. Сотрудники ДПС не пострадали.

# Гринпис

Бывают такие смены, когда работать не хочется, например, в майские праздники. Народ на три дня уехал из пыльного шумного города и забрал с собой своих домашних питомцев: усатых и полосатых, четверолапых и длиннохвостых – короче, всех. С завистью представляю, как они сейчас расслабляются на даче, а мы тут работаем... Однако раз клиенты уехали, то и у нас работы нет. Смена началась в 8 утра, сейчас уже 8 вечера, и за прошедшие 12 часов мы приняли всего несколько пациентов, и то с какой-то мелочью. Я продвинулся по карьерной лестнице и уже вторую неделю официально работаю санитаром у ведущего врача клиники. Я очень горжусь этим, и мне хочется показать себя в деле. Поучаствовать в какой-то сложной операции, сделать что-нибудь важное и геройское, но сегодня народа нет, от слова совсем... Вместо великих свершений мы сидим на скамейке около клиники и зеваем от скуки. Григорий Павлович, старший смены, мой врач и начальник, наконец не выдерживает. Бросив в урну только что закуренную сигарету, он грустно вздыхает и, кряхтя, встает со скамейки.

– Ладно, Семен. Ты начинай потихоньку убираться, собери инструментарий, препараты, а я пойду полежу, телевизор посмотрю. Дело к вечеру, очевидно, клиентов не будет.

– Хорошо, Григорий Павлович.

Я поднялся со скамейки, взял щетку и пошел подметать и мыть пол. Я почти уже закончил уборку, как с улицы слышались торопливые шаги, и взволнованный женский голос произнес: «Саша, давай быстрее, вон вход, там дверь открыта». Я с грустью взглянул на вымытый до блеска и еще мокрый кафель... В клинику зашла молодая пара. Юноша и девушка, взволнованные и запыхавшиеся, за две ручки держали большую сумку, и из нее... БЛИН!!! Из нее на чистый кафельный пол капала зеленая краска!!!

– Господи, вы же мне краску на пол льете!!!

Я молнией метнулся в кабинет, схватил большой мусорный мешок и бросил на пол под капающую из сумки краску.

– Ставьте сумку на этот мешок. Вы откуда? У вас в сумке что, краска налита? У нас ветклиника, вы, случайно, адресом не ошиблись?

Запах краски, какого-то растворителя и еще чего-то мерзко пахнущего, начал заполнять клинику. По коридору слышались торопливые шаги Григория Павловича.

– Семен, что у тебя тут происходит? Молодые люди, здравствуйте. Вы зачем нам все тут краской залили?

Молодые люди молча стояли под градом недружелюбных вопросов. Юноша нервно кусал губы, а девушка вдруг порывисто закрыла лицо руками и громко зарыдала. Молодой человек растерянно обнял ее за плечи, и она уткнулась лицом ему в грудь, продолжая плакать. Ладонями, заляпантыми зеленой краской, юноша нежно гладил ее по голове, пачкая и

спутывая ее волосы... Картина была настолько неправдоподобной и в то же время драматичной, что у меня самого защипало глаза, а может, это было от едкого химического запаха...

Григорий Павлович смущенно откашлялся:

– Ладно, дети... Давайте успокойтесь... Тут и без ваших слез уже все мокрое и грязное. Что случилось? Что у вас... или кто у вас в сумке?

Девушка повернулась к нам, отбросила прилипшие к лицу мокрые волосы, попыталась вытереть слезы зелеными руками и, всхлипывая, прошептала:

– У нас там кот. Большой и белый... Был... Но он прыгнул в бочку с краской. Зеленой краской. Теперь он зеленый...

Григорий Павлович ошарашено спросил:

– А зачем он это сделал, в смысле зачем он в бочку с краской прыгнул? – Вопрос прозвучал абсурдно, но по-другому построить фразу Григорий Павлович, видимо не смог.

– Мы были на даче. У нас там стояла бочка с краской. Бочка высокая, большая, литров на двести. Она была закрыта крышкой. Крышка на солнце нагревалась, и Тишка, кот наш, на нее запрыгивал и грелся. Мы решили покрасить забор. Сняли крышку и пошли за посудой для краски и за кисточками. А Тишка не понял, что крышку сняли. И он по привычке решил на бочку запрыгнуть. Ну... и запрыгнул. Он, когда в краску упал, лапами передними успел за край бочки зацепиться, но все остальное... все в краске.

Наверное, полминуты мы молчали. Потом Григорий Павлович спросил:

– А почему вы именно к нам решили приехать? Вы же на даче были? Мы к вам ближайшая клиника?

Девушка грустно покачала головой:

– Мы уже в двух клиниках были. Нам сказали, что возиться с этой грязью не будут. Мы кота на даче сначала пытались керосином отмыть, потом подсолнечным маслом... И еще он, наверное, описался и... ну... в общем, все дела сделал. В последней клинике сказали, что он все равно умрет, лучше усыпите... А мы не хотим его усыплять! Не хотим!! Слышите?!!

И она снова зашла в рыданиях.

Мы заглянули в сумку. Ну да, голову кота еще можно было с натяжкой назвать белой, но все остальное – слипшийся, вонючий, пахнувший керосином, мочой, калом и краской огромный зеленый ком... Только глаза, огромные, янтарно-желтые, отчаянно и испуганно смотрели на нас из сумки.

– Группа крови – на рукаве, мой порядковый номер – на рукаве... – вдруг неожиданно и громко раздалось из коридора, и в холл широким шагом вошел Женька из санитарного отдела.

– Сема! Я стесняюсь спросить, как говорят у нас в Одессе, вы таки решили с Григорием Павловичем открыть магазин красок? Хорошее дело, одобряю...

Женька подошел к сумке, осторожно, двумя пальцами раскрыл ее и заглянул внутрь.

– О, какой Гринпис прикольный!

Я опешил:

– Почему Гринпис?

– Как почему? – в голосе Женьки не было ни малейшего сомнения. – «Грин» – это зеленый, а «пис», – это спасать. Вы должны спасти зеленого кота.

Кот внимательно посмотрел на Женьку и вдруг громко и хрипло мяукнул. Григорий Павлович от неожиданности вздрогнул.

– Жень, во-первых, «пис» – это мир, если уж быть точным, а во-вторых, как нам его спасать, скажи на милость? Его же отмыть нереально... Он и так почти слипся.

Женька на мгновение задумался, но всего лишь на мгновение.

– Да не надо его отмывать. Его нужно просто выбрить, налысо. Сбреете шерсть вместе с краской, а кожу потом уже ототрете. Сема, ты тут жаловался, что у вас сегодня работы нет? Ну, вот тебе работа... Ладно, доктора, моя смена закончилась... Эх, щас пивка махну... Удачи. Спасайте Гринписа... Я пошел.

– Пожелай мне удачи в бою, пожелай мне-е-е-е удачи! – раздалось уже на улице.

Григорий Павлович, похоже, уже пришел в себя и был полон решимости действовать.

– Так, Семен. Сейчас сделаем небольшой наркоз, а то он не дастся. Я принесу бритвенных лезвий, хорошо сегодня купил. И будешь потихоньку брить. Главное, не спеши. Если кот будет приходить в себя, но сопротивляться не будет, наркоза не добавляй.

– Григорий Павлович! Ну, я же в любом случае ему где-нибудь кожу порежу лезвием! Там же не видно ничего. А как ему пальцы выбривать – это же нереально вообще...

– Без паники. Естественно, где-нибудь порежешь, а как иначе. Где у нас шовный материал, знаешь? Ну вот, там, где порежешь, сам зашьешь...

– Григорий Павлович!!! – в отчаянии зашипел я ему на ухо. – Я же шить не умею! Ну, вернее, я уже тысячу раз видел, но сам... прямо так сразу...

Григорий Павлович, отмахнулся.

– Так, решено. Молодые люди, мы попытаемся спасти вашего Гринписа... Тьфу, блин... как его там... короче, попытаемся спасти. Сейчас девятый час. У нас смена в 07:30 заканчивается. Жду вас в 07:00, без опозданий. Семен, не стой столбом. Готовь инструменты, наркоз, я пошел за лезвиями...

Семь часов работы, пятьдесят лезвий Gillete, двадцать пачек марлевых салфеток и кусок туалетного мыла были потрачены в процессе приведения в порядок кота Тишки...

К пяти часам утра кот был очищен от краски практически полностью, за исключением пальцев и подушечек лап.

Он был похож на синеватую куриную тушку с длинным лысым хвостом и бело-зеленой кошачьей головой. Тушка успела побывать в плену у маньяка-садиста, который сначала наносил ей кожные разрезы, а потом сам же зашивал их кривыми стежками... Я закутал бритого кота в старые газеты, подложил под него грелку, и он мирно посапывал в большой картонной коробке из-под апельсинов Марос. Уже не в силах куда-то идти, я заснул рядом на стуле, навалившись на письменный стол и подложив руки под голову.

Я проснулся от того, что Григорий Павлович осторожно потряс меня за плечо.

– Ну что, Семен, молодец, справился. Считай, это твое боевое крещение. И шить, я смотрю, научился... Вон сначала швы какие кривые были, а дальше, видно, все ровнее и ровнее!! Насчет порезов. А я-то думал, что это я неаккуратно бреюсь, хе-хе-хе... Да, ладно, шучу, шучу. Сейчас 6 утра, иди приляг на часок. Я владельцам кота сам отдам и сдам смену.

Прошло месяца три...

– Семен! – позвал меня Григорий Павлович. – Иди прививку сделай своему клиенту. Это к тебе пришли!

– Ко мне?? Кто?? – Я оторопел.

– Давай иди, сейчас узнаешь.

Я вошел в кабинет. На стуле сидела девушка, рядом с ней стоял улыбающийся молодой человек, а у него на руках... огромный белоснежный персидский кот с янтарно-желтыми

глазами.

– Доктор, мы к вам на прививку... Сделаете?

– Конечно, сделаю.

– Мы теперь с новым ветеринарным паспортом, вот он, смотрите!

Я открыл небольшую белую книжицу с ламинированной обложкой. На первой странице в графе «кличка животного» аккуратным почерком было крупно выведено: «Гринпис».

# Магия черная и белая

Вы верите в магию?

Нет, я спрашиваю не про веру в бога, в добро, справедливость, в судьбу и т. д... Думаю, что каждый человек так или иначе во что-то верит... И это «что-то» помогает и поддерживает его на сложном и не всегда гладком жизненном пути.

Я спрашиваю про веру в настоящую магию, заговоры, заклинания, колдунов, ведьм, злых и добрых волшебников. «Властелин колец» смотрели, а «Гарри Поттера»... ну, и как, верите? Только честно?

Я никогда не верил. Но в девяностые годы на нас, обычных, еще немного советских людей, обрушился бурлящий мутный поток информации. Мы узнали обо всем, о чем раньше было не принято писать и говорить или чего мы себе даже не представляли. Телепрограммы, фильмы, сериалы, видеокассеты и огромное количество разного рода сомнительных газет и журналов раскрывали нам «всю правду жизни». Заказные убийства и тайные миллионеры, роскошные модели и проститутки, шаолиньские монахи и замаскированные инопланетяне, а также экстрасенсы, маги, пророки, гадалки и, конечно, заряженная через телевизор энергетическая вода.

Оказывал ли этот «мутный информационный поток» влияние на еще неокрепший мозг молодого студента? Тогда я думал, что нет, но сейчас абсолютно уверен, что, конечно,

да. И именно в тот период жизни у меня вдруг появился знакомый волшебник. Он так и представился: «Анатолий. Белый маг». Мы познакомились на дне рождения у наших общих друзей. Мы вместе бродили по Москве, ходили в музеи, на выставки, в кино. Анатолий был чуть старше меня, хорошо образован и воспитан и всегда аккуратно одет. Он носил большие очки в золотой оправе, и, конечно, как у любого настоящего мага, у него были длинные волосы, собранные сзади в хвостик. Он рассказывал мне про магию и религию, защитные энергетические поля и путешествия между мирами. Я, в свою очередь, с жаром оппонировал ему, пытаюсь противопоставить его волшебным законам логику научной медицины. Мы оба интересовались восточными единоборствами, в общем, тем для разговора у нас было навалом. Примерно месяца за два до знакомства с ним я очень сильно ударился локтем. Отек и гематома давно прошли, однако рука периодически болела так, что я непроизвольно морщился. Мази, компрессы, массаж и суставная гимнастика, эффекта почти не давали, и боль опять возвращалась. Это меня раздражало и беспокоило, но я никому об этом не говорил.

Однажды Анатолий был у меня в гостях, и мы смотрели по видеомэгнитофону фильмы с Брюсом Ли. Я сидел на диване, а Анатолий расположился в кресле напротив меня. И тут у меня начало ломить руку... Скрипнув зубами, я попытался хоть как-то успокоить ноющую конечность и незаметно подложил под нее подушку. На экране Брюс Ли начинал свой

знаменитый поединок с Чаком Норрисом. Захваченный происходящим, я тем не менее обратил внимание на странные ощущения, вдруг возникшие в моей больной руке. Внутри руки, от плеча к локтю, как будто потекла струйка теплой воды. Она дошла до больного локтя... чуть согрела его... и пропала. Потом потекла к локтю опять... и опять пропала. Боль в локте уменьшилась и сменилась, как бы это описать, наверное, легким зудом или жжением. Я хотел немного подвигать рукой, но тут струйка теплой воды просочилась через локоть, как будто внутри сдвинулась какая-то невидимая пробка. Предплечье стало приятно теплым, затем тепло распространилось на кисть, пальцы и... исчезло.

Фильм закончился, пошли титры. Рука не то что перестала болеть, было ощущение, что она вообще никогда и не болела... Не веря себе, я ощупал локоть, сделал несколько движений рукой и тут только вспомнил про Анатолия. Тот смотрел на меня, широко улыбаясь, а его глаза хитро блестели за стеклами золотистых очков.

– Ну, что, теперь не болит? – с нескрываемой иронией спросил Анатолий.

– Да откуда ты зна... слушай, как ты это сделал?! – воскликнул я.

– Обычное дело. У тебя после травмы забился энергетический канал в руке. Поскольку я сидел рядом, то почувствовал твою боль и прочистил тебе этот канал. Только и всего... Ты ведь ощутил, как по всей руке прошел энергетический

поток? И вообще, – Анатолий поправил пальцем золотые очки на переносице (в точности как умный кролик из мультика про Винни Пуха, подумал я), – мог бы и раньше сказать, давно бы все исправили...

Прошло несколько месяцев, и история начала забываться... Возможно, рука просто сама наконец прошла, и никакие «энергетические каналы» были не причем. Меня с головой затянуло в круговорот событий и страстей. Проблемы в институте, проблемы на личном фронте, конфликт с родителями – в общем, обычные этапы взросления молодого человека. Мне пришлось перебраться в пустую квартиру в старой хрущевке на севере Москвы, чтобы какое-то время побыть одному и собраться с мыслями. Я раньше жил почти в самом центре, и сюда из нашей старой квартиры перевезли все мои детские вещи вместе с мебелью. С удивлением, грустью и ностальгией я гладил потрепанные корешки старых детских книг, листал фотоальбомы, разглядывал коллекцию монет, оловянных солдатиков и военные машинки... надо же...

Ночью мне приснился ужасный сон. Говорят, что цветные сны снятся эмоциональным людям. Наверное, я эмоциональный человек, поскольку мне всегда снятся ТОЛЬКО цветные сны. Сны бывают разные, как приятные, так и неприятные. Изредка мне снятся кошмары, и я просыпаюсь в холодном поту с мыслью: «Слава богу, это был только сон...» Но это был не тот случай...

Сон не был страшным в прямом смысле этого слова. Во сне я не боялся, и меня никто не пугал. Сон был чудовищным. Я был злом. В темноте ночи в развалинах какого-то здания я убивал людей. Руками, камнями, ножом, топором, вилами... Метались темные фигуры, раздавались пронзительные крики, до небес взлетали языки пламени... Это было только начало. Потом... я сжигал людей... заживо... на перевернутых крестах. Это еще не все... Один из сожженных... был... моим близким родственником. И я не проснулся ночью, крича от ужаса, весь мокрый от холодного пота... Просмотрев весь сон до конца, я очнулся только утром.

Психологически я был настолько подавлен, что минут десять просто лежал, уткнувшись лицом в подушку. Никогда в жизни мне не снилось ничего подобного, даже близко. Меня пугал не столько сюжет сна, хотя он был ужасен. Драки, кровь, ужасы и чудища – это, как говорится, мы все уже проходили. Меня пугало мое психоэмоциональное состояние во сне. Я творил чудовищные вещи и наслаждался этим.

Уже не помню, как прошел день. Я что-то делал, куда-то ездил... Потом наступил вечер и ночь. Сон повторился в точности... почти. Было одно маленькое отличие: во сне я точно знал, что делаю это второй раз... и предвкушал весь этот кровавый ужас...

Проснувшись утром, я начал думать. Так, сон – это просто сон. Мог ли мой усталый, напряженный мозг сгенерировать все эти ощущения? Наверное, мог... Но во сне они были на-

столько реальными, что в жаркой, залитой солнечным светом комнате от воспоминаний мне становилось холодно. Горячая, липкая кровь с запахом сырого железа. Грязная, пропитанная смолой веревка, пачкающая мне руки. Шершавые деревянные столбы, покрытые сажей и пеплом. Тошнотворный запах горячей плоти... и мой радостный зловещий хохот.

Я медленно брел по улице, почти не замечая проходящих людей. Никогда и никому я не желал зла. Мне нравилось делать добро, помогать, любить... Но тот монстр в кошмарном сне – это тоже был я... Кто из этих двух я настоящий? Нет, от таких вопросов можно сойти с ума... А может, у меня раздвоение личности? Я спустился в метро и втиснулся в переполненный вагон... Ладно, забыли. Это просто переутомление.

От нечего делать я начал рассматривать людей вокруг себя. Спिनной ко мне стояла женщина, ростом чуть ниже меня. На ней светло-коричневая кожаная куртка, немного потертая, неновая. У женщины длинные черные волосы, густые, как конская грива. В волосах кое-где блестят седые нити, наверное, ей лет сорок... Волосы шикарные, до пояса, но какие-то спутанные, нерасчесанные. Эй, тетка – мысленно обращаюсь я к женщине – ты бы хоть голову то помыла...

Она обернулась резко, внезапно (прошло уже больше 20 лет, а я вспоминаю – и мурашки по коже...), я увидел смуглое, с резкими чертами лицо и... огромные... черные... пол-

ные ненависти глаза. В них была ярость, гнев... и тьма.

Я похолодел, сердце пропустило удар, потом забилось часто-часто, ноги задрожали. Плохо соображая, что делаю, я схватился за поручень, выставив женщине локоть прямо в лицо. Она поднырнула мне под руку, приближая свое лицо к моему... Очевидно, она хотела дотронуться до меня...

Сейчас я совсем не тот молоденький мальчик, и за прошедшие годы в моей жизни случилось всякое. И были моменты, когда я чувствовал, что очень близок к той самой черте, когда еще один шаг и... все... Но никогда, ни разу в жизни, мне не было так страшно, как в тот день в вагоне метро.

Это был дикий, животный страх, парализующий волю, сковывающий мышцы и путающий сознание. Охваченный паникой, я ломился и продирался по вагону, грубо расталкивая людей. На меня орали, меня материли, кто-то ударил меня в спину – мне было все равно, я пытался убежать от нее. Она неторопливо шла за мной, ловко проскальзывая между пассажирами и ни на мгновение не сводя с меня своих глаз, горящих мрачным огнем. Я добрался до двери в момент, когда динамик ожил: «Станция „Менделеевская”. Переход на станцию „Новослободская”». Двери разошлись, толпа надавила, но в последний момент я успел вжаться в угол рядом с дверью. Черноволосую женщину вынесло из вагона выходящими пассажирами. Вцепившись в дверь побелевшими пальцами, я смотрел, как она яростно вырывалась из людского потока, уносящего ее по платформе. Выжигая меня взгля-

дом, она отчаянно пыталась вновь добраться до вагона... Но она не успела... Двери закрылись, и поезд уехал.

Выйдя на «Петровско-Разумовской», я из телефона-автомата набрал Анатолию. «Господи, только бы он был дома...» Анатолий был дома.

– Привет, это Семен! Ты можешь ко мне приехать? Да, прямо сейчас. У меня проблемы. Спасибо. Встречу тебя у метро.

Мы сидели на полу, и я рассказывал Анатолию все. Про институтские проблемы, про любовь, про мои детские воспоминания, чудовищные сны и про женщину с горящими глазами. Анатолий слушал внимательно, очень серьезно, не перебивая. Наконец я закончил свой рассказ.

– Давай начнем со снов, – начал Анатолий, – их раньше не было. Они появились сразу, как только ты сюда переехал. Сны плохие, их инициирует предмет с сильной отрицательной энергией. Я бы даже сказал – темной энергией. Сны очень яркие, подробные. Значит, предмет должен быть достаточно крупным, весомым. Вероятно старинным...

– Анатолий! Да, у меня здесь целая куча старых вещей, – я указал на шкаф. – Вон статуэтки, например, которые мой дед еще в молодости покупал, им уже почти девяносто лет... В шкатулке, по-моему, бабушкины украшения, ложки фамильные серебряные, да мало ли что...

– Нет, – Анатолий замотал головой, – это твой предмет, именно ТВОЙ. Тебе его подарили, ты его купил или нашел...

Думай.

Мне думалось с трудом. Мысли путались.

– Подожди, – Анатолий внимательно посмотрел на меня, – в твоём ужасном сне есть реальный человек, которого ты все время... так сказать, уничтожаешь...

– Да, – ответил я, и меня передернуло.

– Этот человек в каждом твоём сне. Именно на него направлена твоя отрицательная энергия. Это не может быть случайным. Скажи, именно ОН тебе ничего не дарил из того, что есть в этой комнате?

– Э-э-э, наверное, нет, – в голову полезли детские воспоминания, – хотя... ДА, есть! Старинная монета. Она у меня здесь, в коробке.

– Вряд ли, – Анатолий с сомнением покачал головой, – монетка слишком маленькая...

– Она НЕ маленькая, – возразил я, – она очень НЕ маленькая...

Я достал из шкафа коробку с монетами и поставил ее на пол. Там, среди мелких серебристых, золотистых монеток и бумажных купюр, лежал огромный екатерининский пятак. Тяжелая, грубая, позеленевшая от времени медная монета с неровными краями, двуглавым орлом на одной стороне и вензелем на другой.

– 1782 год, – прочитал Анатолий, – ей больше двухсот лет... Откуда она у тебя, расскажи, это важно.

Я напряг память:

– У нас в соседней деревне стояла сожженная, разрушенная церковь, очень старая. Мы всегда ее боялись, страшная она какая-то. Деревенские пацаны там играли в разбойников, раскопали несколько монет... показали родителям. Монеты оказались старинные, вызвали археологов. Те нашли там клад... Ну, клад не клад, нашли глиняный горшок с медными монетами и немного серебряных, больше ничего. Ну вот, одна из тех монет попала к моему... – Я осекся и замолчал. – Ну, а он потом мне ее подарил. Давно, в детстве еще. Что скажешь?

– Немного странно все это, – Анатолий задумался, – даже в советское время разрушенные сожженные церкви обычно так не оставляли. Плохая примета. Понятно, что не восстанавливали, ну значит, просто разбирали на кирпичи. Тем более деревенская церковь. Если она давно стояла сожженная и брошенная, возможно, там была какая-то плохая история. С другой стороны, ну кто в старину в действующей церкви будет медные монеты закапывать? Их ценность невелика... Если в церкви, что и прятали, то дорогие вещи, иконы, золотые украшения. Скрывали их от разбойников, от войны или от советской власти. Более вероятно, что горшок медных и серебряных монет – это чьи-то накопления. Скорее всего, их отобрали или украли и в тайне закопали в развалинах... Может, эта церковь ранее уже была разрушена, тогда монеты в горшке – это воровской или разбойничий схрон. Может, кровь была на них... В любом случае место, где нашли мо-

неты, хорошим не назовешь...

– Ну а ты можешь эту монету как-то проверить, проанализировать, что ли? – Я не знал, как подобрать слова. – Она в моих снах виновата?

– Ну, скажешь тоже... Монетам анализы не делают. – Анатолий впервые улыбнулся. – Монета плохая, это я и так чувствую. Естественно, она могла все это вызывать...

– Слушай, а эта... тетка в метро?

– Да, обычная ведьма... Ну, не совсем обычная, конечно. Сильная, даже очень сильная... Я бы сказал, настоящий черный маг. Она почувствовала твой взгляд, а ты был подавлен своими снами и сразу испугался. Они чувствуют, если в человеке что-то не так. Ведьма легко пробила твою защиту и... в общем, хорошо, что она до тебя не дотронулась... иначе...

– Иначе ЧТО? – во рту у меня пересохло.

– Ну, она же не дотронулась, – улыбнулся Анатолий. – Забудь... все хорошо. Тем более, пока мы тут сидели, я уже немного над тобой поработал... Чуть-чуть починил тебя. Так что не переживай.

– Анатолий, погоди. Что-то не складывается... У меня эта монета с детства. Она давно лежит рядом с моими вещами. Я ее тысячу раз в руках держал, и никогда в детстве мне ничего подобного не снилось. И тут вдруг, нате вам – монета активировалась, через десять лет...

– Вот ты приставучий, – покачал головой Анатолий. – Я не хотел об этом говорить, ну да ладно... Короче, у тебя тоже

есть определенные способности...

– Способности к магии, что ли, ты шутишь?? – перебил я Анатолия.

– Погоди, не нервничай. Способности есть у многих. Кто-то о них догадывается, кто-то нет. Неважно. У тебя они есть. Помнишь, я тебе руку лечил?

– Помню.

– Так вот, воздействуя на тебя, я тебя как бы немного разбудил. Ты стал более восприимчив, чувствителен к энергетическим полям и воздействиям. Твой стресс, конфликты, любовные переживания усилили все это, и ты начал чувствовать отрицательную энергию монеты. Все просто. А способности у тебя есть, хочешь, докажу?

– Даже не знаю. – Я замялся. – а как?

– У тебя здесь есть фотография человека, о котором ты сильно переживаешь?

– Да есть... – У меня была с собой ЕЕ фотография...

– Я не буду тебе мешать и пойду на кухню, а ты сядь и внимательно посмотри на фото. Представь, что это не фото, а реальный человек. Ничего страшного не будет, просто попробуй.

Анатолий ушел, закрыв за собой дверь. Взяв фотографию, я вздохнул и еще раз внимательно взгляделся в черты знакомого лица. Вдруг фотография стала расширяться, белые поля фотокарточки растворились в воздухе и пропали... Я смотрел на красивое грустное лицо. Увидел, как ей на лоб

упала прядь светлых волос... Она подняла взгляд на меня... Я вздрогнул и выронил фото.

– Ну вот, – в дверях стоял улыбающийся Анатолий, – а ты мне не верил!

– Знаете что, товарищ волшебник, – сказал я, с трудом поднимаясь с пола, – идите вы с вашей магией. Хочу жить в обычном мире, без всяких чудес. Можно?

– Да можно, можно...

– Слушай, Анатолий, монету заberi, а?

– Это твоя монета, чтобы я мог ее забрать, ты должен мне ее подарить.

– Дарю тебе, Анатолий, эту... монету...

– Отлично. – Анатолий достал из кармана носовой платок, не касаясь пальцами, аккуратно завернул монету и быстро убрал ее в карман.

У двери я остановился:

– Анатолий, извини за дурацкий вопрос. А в вашей «магической иерархии», если взять, например, от рядового до генерала, у тебя какое звание??

Анатолий на минутку задумался:

– Ну, наверное, старший лейтенант. Надеюсь скоро стать капитаном... – и ушел.

С тех пор мы не виделись. Страшный сон мне больше не снился.

Я очень трепетно отношусь к тем вещам, в которых ниче-

го не понимаю. Даже не знаю, можно ли называть в книге настоящее имя белого мага? У магов работа сложная, вдруг это как-то навредит или «рассекретит» его... Конечно, Анатолия звали НЕ Анатолий. У него тоже было имя на букву «а», но намного звучнее и красивее. Прошло уже больше двадцати лет. Не знаю, бросил ли он свои юношеские увлечения магией или уже дослужился до «генерала»... В любом случае надеюсь, у него все сложилось хорошо. И я бы с удовольствием поболтал с ним, как раньше. Как пел в своей песне Ю. Лоза:

О далеких мирах, о волшебных дарах,  
Что когда-нибудь под ноги мне упадут...

# Ну, погоди...

## Часть 1. Профессор Акбаев

Как же хорошо спалось в нагретом солнцем большом лекционном зале клинического корпуса...

Мой график работы в ветеринарной клинике был сутки через трое. Провести 24 часа на ногах – нелегкое испытание, однако за время дежурства мне почти всегда удавалось поспать хотя бы пять-шесть часов. Но бывали исключения, и вчерашняя смена как раз и была этим исключением. Последняя операция закончилась в два часа ночи, а с пяти утра опять пошли пациенты... Сочетание крепкого кофе, «Сникерса» и холодной «Кока-колы» на какое-то время взбудрило мой отключающийся мозг. У меня хватило энергии убраться в клинику, сдать смену дежурному врачу и даже не свалиться по дороге в институт. Зайдя в еще пустой лекционный зал, я поднялся на самый последний ряд и уютно уселся на широкой деревянной скамье. Нежно погладив теплую поверхность аудиторного стола, я умиротворенно опустил голову на скрещенные руки... «Как мало нужно для счастья...» – устало пробормотал я и провалился в глубокий сон.

– Семен, проснись! Проснись, блин... декан... декан при-

шел!

Я прекрасно понимаю, что это сон. Какой декан? Сейчас лекция по овцеводству... Кроме того, уже конец семестра, на лекциях не проверяют. Приснится же такое...

– Семен, твою мать!.. Вставай!

Удар ноги под столом был весьма чувствителен, и я мгновенно проснулся. Сонными глазами смотрю по сторонам и с ужасом вижу, что все студенты в лекционном зале уже стоят. Поспешно вскакиваю, застегивая белый халат, но... поздно...

– Да... докатилиС, – слышу я грозный голос с кавказским акцентом, – студЭнт приходит на лЭкцию, нЭ чтобы пАлучать знания, а чтобы пАспать!!! ПАзор, какой пАзор!

– Магомет Шагаевич! – Я стою, опустив голову. – Виноват, спорить не буду. Я просто ночью лег около двух, очень устал...

– ЭтА нЭ Аправдание! – отрезал декан. – СтудЭнт должен всЭгда правилНо рассчитывать свАи силы. Нэ надА ложиТ-Ся около двух – ложиС около одной!..

Хохот в большом лекционном зале грохнул так, что на потолке замигали лампы... Профессора Акбаева, нашего декана и заведующего кафедрой паразитологии, все боялись и любили. Высокий, статный и широкоплечий, несмотря на свои «шестьдесят с плюсом», он был по-юношески эмоционален, активен и резок. В общем, настоящий горец в облике интеллигентного профессора. На самом деле отчество

доктора наук профессора Акбаева было Шогайбович. В студенческой среде оно быстро трансформировалось в более произносимое: «Шагаевич», но профессор никогда на это не обижался.

– И еще хАчу сказаТ, – продолжал профессор, – что юноша в вашем возрастЭ вААбщЭ нЭ должен уставаТ. Вот я, кАгда был Маладым, вААбщЭ нЭ уставал.

Мы все уже знали, что профессор скажет дальше, и я почувствовал, что появился шанс реабилитироваться...

– А нЭ уставал я пАтаму, Что и в дЭтстве, и в юности... Профессор сделал многозначительную паузу, и я быстро подмигнул ребятам из нашей группы, мол, не подведите, парни...

– Я ВСЭГДА ЗАНИМАЛСЯ БАР-БОЙ!!! – хором крикнула наша группа, старательно имитируя профессорский акцент.

На этот раз от смеха рыдали все, даже стоящий за кафедрой преподаватель по овцеводству.

Профессор Акбаев смеялся вместе со всеми, шутиливо-укоризненно качая головой:

– Вот мАладежь, вот сАрванцы!.. ЛаднА... ТепеР пАслушайтЭ меня...

Суть профессорской речи была в следующем. Производственная практика после третьего курса должна обязательно проходить на сельскохозяйственных животных. Лечение только собак и кошек не засчитывалось. Необходимо было

работать с кем-нибудь из настоящих «продуктивных животных». К продуктивным животным относились коровы, лошади, козы, овцы, свиньи, домашняя птица... да хоть пчелы... Продолжительность практики, как сказал профессор: «Нэ менЭе двух нЭдЭль!» Безусловно, это не представляло никаких проблем для иногородних студентов. А как мне, живущему и работающему в Москве, пройти двухнедельную практику, работая с продуктивными животными? Где их взять, скажите на милость? Задача, как говорится, была еще та, особенно с учетом повсеместного развала сельского хозяйства...

Доехав до дома, я зашел в магазин. Хотелось купить чего-нибудь вредного и вкусного для успокоения расстроенных чувств. Совершенно неожиданно я наткнулся в мясном отделе на яркую вывеску: «Куры-гриль от Красногорской птицефабрики. Наши куры – для наших покупателей». «Так, так... кажется, у меня появилась идея. Сколько мне от Строгино до Красногорска на автобусе ехать... минут двадцать всего? Эврика!!! – подумал я, а вслух сказал:

– Девушка, а заверните мне вон ту курочку, позажаристее...

## Часть 2. Начинающий куровод

– Здравствуйте! Я студент ветеринарного факультета, окончил 3-й курс. Можно у вас производственную практику пройти?

– Только этого нам еще не хватало, – устало ответил в трубке мужской голос, – хотя... какая, в общем, разница...

– Простите, не понял... Так можно или нельзя? – Я уже начал жалеть, что позвонил.

– Да можно, можно. Приезжайте завтра к 08:00. Зайдете в административный корпус к главному ветврачу. – И мужчина повесил трубку.

Минуту я сидел, тупо глядя на телефон. Станный разговор. Мне как бы не отказали, но дали понять, что это им надо (скажем по-сельскохозяйственному), как козе сарафан. Ехать... не ехать? Ладно, съезжу один раз, а там посмотрим... Так, теперь нужно узнать, как туда добраться...

– Саша, привет, это Семен из соседнего подъезда, – набрал я телефонный номер. – Ты как местный старожил, не подскажешь, как мне до Красногорской птицефабрики добраться?.. Да ладно... Во сколько?.. Понял, понял... спасибо огромное.

Оказывается, от Строгино до Красногорской птицефабрики ходил местный автобус, и мой сосед – старый электрик, недавно даже ездил туда «что-то починять». Автобус уходил

в 07:00.

В 7 часов утра нормальные люди еще только начинают просыпаться, а я уже качу по МКАД в стареньком темно-сером «пазике» (автобус «ПАЗ-3205»). Автобус набит битком. Я еду стоя и думаю: «Удивительно, сколько народу только из нашего района работает на этом „куропроизводстве“». Мы съезжаем на узкое извилистое Путилковское шоссе и не торопясь следуем мимо небольших деревенских домиков. Где-то через километр начинается бетонный забор, и автобус сворачивает налево в большие ржавые металлические ворота.

Территория фабрики оставляет двойственное впечатление. На ум приходит рассказ про Мальчиша-Кибальчиша и военную тайну: «И все бы хорошо, да что-то нехорошо».

Все тропинки и дорожки заасфальтированы, но старый серый асфальт в огромных трещинах...

Красивая цветочная клумба с пионами, ромашками и люпином давно заброшена и поросла сорной травой...

Часть окон административного корпуса разбита и заклеена пленкой...

Стены громадных серых птичников, расположенных длинными ровными рядами, обшарпаны и давно не крашены...

Но на предприятии кипит жизнь и работа. Бегают и суетятся люди. Пыхтят тракторы, развозя в тележках какие-то ящики. Рычат глушителями грузовые «Газели» с синими

надписями «Красногорская птицефабрика» на белых кузовах. Гудят трансформаторы и движутся черные широкие ленты транспортеров.

Я поднимаюсь на первый этаж и осторожно стучусь в кабинет с табличкой «Главный ветеринарный врач».

– Пожалуйста, заходите, – доносится из кабинета.

Я тяну на себя старую деревянную дверь с ободранной ручкой. В кабинете за большим столом, заваленным пожелтевшими папками, сидит высокая темноволосая женщина лет пятидесяти. У нее строгое усталое лицо и добрые внимательные глаза.

– Здравствуйте, я Семен, студент ветеринарной академии. Вчера звонил вам насчет практики...

– Да, да... мне Виктор Павлович вчера говорил... – Женщина тяжело вздохнула. – Давай, что тебе там надо подписать, отчет о практике, журнал, дневник??

– Да, подождите, – я даже обиделся, – не надо мне ничего подписывать. Ну, по крайней мере, пока не надо. Я реально приехал, чтобы практику пройти. В институте сказали, что нужно, да мне и самому интересно. Я в ветклинике уже год работаю, но там собаки-кошки, а тут... совсем другое дело...

– Так вот оно как, – женщина внимательно и удивленно посмотрела на меня. – ну ладно, давай попробуем.

Она сняла телефонную трубку:

– Тамара Ивановна, зайди-ка ко мне...

Мы идем по территории птицефабрики. Тамара Иванов-

на, высокая грузная женщина, в синем халате и желтом фартуке, работает на птицефабрике почти двадцать лет. Она помощник главврача и на сегодня мой командир и инструктор.

– Ты знаешь, что такое курс молодого бойца, сынок? – спрашивает она меня глубоким низким голосом.

– Ну, только теоретически, – с осторожностью отвечаю я.

– Сегодня узнаешь... – Тамара Ивановна на мгновение делает страшное лицо и потом широко улыбается.

День оказался более чем насыщенным.

В одном птичнике я таскал тяжеленные ведра, разливая в длинные металлические поилки витаминные и минеральные подкормки. Во втором переливал вакцину в специальные устройства для аэрозольного распыления. В третьем выпаивал цыплятам сыворотку от бактериальных инфекций. В четвертом делал инъекции взрослым курам с помощью пневматического шприца-вакцинатора. Потом у кур-несушек мы брали кровь на антитела из подкрыловой вены и на закуску прививали маленьких крольчат в подсобном кролиководческом хозяйстве.

К обеду я уже еле передвигал ноги. Спину ломило от тяжелых ведер. Пальцы на правой руке отказывались разгибаться после часового нажимания на курок пневматического шприца. Мои руки были до локтей расцарапаны орлиными когтями племенных высокопородистых куриц. В довершение я наплескал себе в сапоги витаминно-минеральных растворов, и они хлюпали при каждом шаге.

– Ну что, «Бобик сдох»? – сочувственно спросила меня Тамара Ивановна.

– Ну, еще нет, но, наверное уже скоро... – Я хотел соврать, что бодр и весел, но не смог.

– Ладно... – пробасила Тамара Ивановна, – с непривычки бывает. А скажи-ка сынок, ты в «Ну, погоди» играл, небось?

– Вы про электронную игру? Ну конечно, играл... А что?

– Пойдем, покажу тебе, что такое настоящее «Ну, погоди».

Мы зашли в большой птичник.

– Смотри, – показала рукой Тамара Ивановна. – Вон продольные ленточные транспортеры. По ним собираются яйца от каждой линии клеток с курицами – они называются клеточные батареи. Продольные транспортеры передают яйца на поперечный транспортер, который собирает яйца от всех батарей и выгружает на вот этот стол. – Тамара Ивановна указала мне на широкий наклонный транспортер, оканчивающий плоской ровной площадкой из полированной нержавеющей стали. На столике рядом стояли сетчатые контейнеры для яиц, только не картонные, как в магазинах, а пластиковые.

– Сейчас я нажму кнопку, – Тамара Ивановна указала на большую квадратную кнопку «Пуск», – и начнут двигаться ленты транспортеров. В конце концов все яйца начнут выкатываться на этот стол. Тебе нужно успевать собирать с транспортера яйца и укладывать их в контейнеры. В контейнер умещается тридцать яиц. Как только он заполнен, ста-

вишь его на тележку и берешь следующий. Мелкие или явно неровные яйца кладешь вот в эту коробку справа, а битые сбрасываешь в этот пластиковый ящик. Понятно?

– Да чего тут не понять...

– Марина! – позвала Тамара Ивановна одну из работниц. – Поддержи молодежь, а то он не справится.

– Да справлюсь, – обиделся я...

– Так, Семен, давай вставай от стола слева, а ты, Марина, справа. Готовы? Пуск!

Тамара Ивановна нажала кнопку. Резиновые ленты транспортеров вздрогнули и поехали.

Секунд через тридцать появилось первое яйцо. Большое, коричневое, оно одиноко лежало посередине транспортера. Я бережно взял его и осторожно положил в ячейку контейнера. Моторы гудели, черные резиновые ленты медленно двигались. Затем приехало два следующих яйца, потом пятое... восьмое... десятое... Куриные яйца двигались разрозненными цепочками, белые, темно-коричневые, светло-коричневые. Я уже не успевал укладывать яйца в контейнер так ровно, как вначале, но в принципе пока успевал. Поток яиц неумолимо нарастал. Мои руки двигались быстро, контейнеры заполнялись один за другим, но лавина яиц начала неумолимо наползать на стол... Мне казалось, что я развил уже предельную скорость «яйцесбора» и волк из электронной игры «нервно курил в сторонке», глядя на мои навыки. Я отвлекся лишь на мгновение. Одно из яиц оказалось тресну-

тым, и скорлупа лопнула у меня в руках. Контейнер залило липким желтым содержимым, я запаниковал, и яичная лавина покати́лась за край стола...

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.